

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА

П 34
1625

ЖАНРЫ В ИСТОРИКО- ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

Сборник научных статей

Выпуск 4

Санкт-Петербург
2008

К ПРОБЛЕМЕ ПОГРАНИЧНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖАНРОВ:
«ДНЕВНИК МЫСЛЕЙ» АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА

Дневниковое творчество Алексея Ремизова, продолжавшееся на протяжении всей жизни писателя – большая литературоведческая тема¹. На разных этапах жизни Ремизов обращался к многообразным видам дневникового жанра. Это были и регулярные записи в специальных тетрадях, и краткие ежедневные заметки в записной книжке, и дневники в виде ежедневно создававшихся рисунков, фиксирующих в образах события дня и ночи, а также их осмысление писателем [1, 2, 3].

Последний этап последовательного написания ремизовских дневников начался после смерти жены писателя С. П. Ремизовой-Довгелло (умерла 13 мая 1943 г.). До этого (с 1940 до 1943 г.) тяжелые обстоятельства жизни Ремизова (борьба за выживание в немецкой оккупации Парижа и уход за тяжело больной Серафимой Павловной) сделали почти невозможным регулярное записывание происходящих событий.

С 1943 по 1957 год, вплоть до своей смерти, Ремизов вновь постоянно вел дневники, в том числе и записи своеобразного типа. В беседе со своим другом и литературной ученицей Н. В. Кодрянской писатель назвал их «дневниками мыслей» [5, 20].

Этот термин, обозначающий особый вид дневникового жанра, восходит к названию небольшого текста Льва Шестова, содержащего частично датированные записи рубежа 1919-1920 годов - времени его отъезда из России в Швейцарию. Шестовский «Дневник мыслей» был впервые опубликован только в 1976 г. [7], однако его рукопись, как очевидно, была известна близкому другу философа – А. Ремизову.

«Дневник мыслей» Льва Шестова создавался в экстремальных обстоятельствах, когда философ пробирался сквозь охваченную огнем Гражданской войны Украину в Крым, чтобы оттуда перебраться в Европу. Однако внешняя сторона действительности (реальные передвижения Шестова-беженца) почти не отражена в тексте, в нем нашло выражение *движение мысли* Шестова- философа. Одна из основных тем «дневника мыслей» - тема преодоления страдания человека силой его разума. Как почти всегда у Шестова антиномия мыслимого и сущего остается неразрешенной, но смысл заключается именно в стремлении человека к борению с тяготами бытия, стремлении, пусть даже изначально обреченном на уподобление вечному сизифову труду. Другие темы Дневника Шестова – это те-

¹ Работа выполнена по гранту РГНФ: проект № 07-04-00185а.

мы старости, памяти и «оправдания» литературного труда. По мнению философа, воскрешение памяти является для творческой личности одним из важнейших способов преодоления действительности, оставленной Богом и полной трагических безысходных противоречий. В Дневнике отражено также важное для Ремизова осмысление соотношения сна и яви. Шестов писал: «Еще во сне можно забываться – но, пожалуй, скоро и во сне будешь чувствовать явь и начнешь повторять за Ибсеном, я никогда не сплю, я только притворяюсь, что сплю. Верно, это давно бы случилось – если бы физические силы не ослабевали. Но ведь природа под конец уже не считается с организмом. Обезобразила явь, обезобразит и сон. Все разрушит – только сохранит себя и свою вечную, нетленную, равнодушную красоту».

Ремизовский «Дневник мыслей», который велся с 1943 по 1957 год, представляет собой комплекс тетрадей, содержащих ежедневные записи. Первоначально это – тексты, расположенные на левой и правой сторонах разворота тетради. Слева кратко фиксируются события дня, большей частью состоящие из перечисления посетителей квартиры Ремизова на улице Буало или столь же краткого перечня его дневных дел. Более богата событиями, встречами и свиданиями «жизнь», запечатленная на правой стороне разворота – это изложение содержания сновидений, увиденных писателем в ночь с такого на такое-то число. В дальнейшем соотношение между фиксацией яви и сновидений меняется: дневные записи еще более сокращаются, пока и входят в состав записи сна, как его малая, а подчас и окказиональная составляющая.

Как известно, А. Ремизов еще с дореволюционных времен занимался регистрацией своих сновидений, как отдельно, так и в составе текста дневников. Это, в частности, видно на примере сохранившегося дневника 1917-1921 г. Для писателя астральный мир, отраженный в записях снов, составлял реальность особого рода, параллельную, равноценную и сопоставимую с действительностью. Это был мир, населенный его литературными знакомыми, родными, а также «вечными спутниками» из вселенной культуры, встречавшимися Ремизову на ночных звездных путях странствования его души. Следствиями нервного потрясения, испытанного писателем в 1909 г. после «обвинения в плагиате», были язва желудка и нарушения сна, в одной из прерывистых фаз которого Ремизов мог отчасти сознательно настраивать себя на тематические видения. Их сюжеты впоследствии использовались писателем в литературном творчестве. Вторая, сновидческая реальность делалась недоступной Ремизову только тогда, когда события первой становились настолько агрессивными, что перекрывали путь в пространство второй. Это то, о чем говорил в «Дневнике мыслей» Лев Шестов:

«скоро и во сне будешь чувствовать явь». Ремизовские записи в дневниках, отмечающие факт потери сновидений («сны мне больше не снятся»)- появлялись в экстремальные периоды жизни писателя, такие, например, как месяцы голодной, полной борьбы за выживание петроградской зимы 1918-19 г. или как рубеж 1941-42 г. – время последней «смертной» болезни Серафимы Павловны.

«Дневник мыслей» Ремизова 40-50-х гг. вслед за своим прообразом – «Дневником» Льва Шестова, представляет собой последовательную фиксацию авторского мышления образами, сцепления которых создают сюжеты сновидений. В «Дневнике мыслей» Ремизова сно-формы возникают как результат ряда мыслительных процессов.

Во-первых, в образах сновидений совершается материализация практических жизненных проблем, наяву волнующих Ремизова. Среди них главными являются вопрос о возможности вернуться на Родину – в СССР [4] и вопрос об ухудшающемся состоянии здоровья – подступающей слепоте.

Во-вторых, во сне происходит творческий процесс *обдумывания и писания* литературных произведений. В сновидениях Ремизова 40-50-х гг. продолжается его дневная работа над циклом «Легенды в веках» и «Огонь вещей». Кроме писания реальных произведений, ночью происходит создание текстов и художественных объектов (например, альбомов рисунков), являющихся всецело достоянием астрального мира. Автор Дневника может лишь частично отразить в нем свои «припоминания» об этих арт-объектах в виде краткого изложения их содержания или их неточных описаний. Как пример, приведу записи сновидений 1951 года.

В ночь с 19 на 20 июля: «Все происходит в книге на листах. Я хожу по строчкам и проникаю в их звук – смысл. И тут какая-то, я не могу вспомнить, кто это в белесом платье, останавливает меня – на «точках», где надо и где не надо. Она не враждебна, но только мешает» [6].

В ночь с 2 на 3 августа: «Рукописная книга. Чтобы выделить то, что пишу про себя и чему придаю значение, освещено зеленым, я различаю деревья. Из текста глаз переступает ногами на землю. И снова переходит в текст. Я повторил – все стройно – отлив зелень и земля. Н. Резникова говорит: «Напрасно вы мне расчет о продаже «Бесноватых» написали».

В ночь с 10 на 11 ноября 1951 г.: «Я одновременно и кошка, и мышь. И наблюдаю за собой, стоя в дверях. Из гард-манже смотрит на меня усатая рожица с блестящими глазами и перед ее глазом черной искоркой взблеснула мышь. / Отхожу от дверей. «Сам себя упустил!» Она живет далеко (мышь?). Но я доберусь до нее во что бы то ни стало. / Еду в поезде. На остановке вышел. Тут говорят. Началась война. Спешу выпутаться. Весь я застегнут и соединен

петлями с вагоном «Сейчас поезд, говорят, скорее!» А я не могу выпутаться – весь в пуговицах».

В ночь с 4 на 5 января 1953 г. «Два рассказа. Расположены один за другим в виде футляров. В первом трухлявая деревяшка, во втором электрический механизм. / Мне бы надо раскрыть содержание, но я не трогаю, я только смотрю и чувствую. скучные рассказы».

Наконец, в-третьих, в сновидениях реализуется миссия Ремизова- визионера, посредника между мирами. Дорога в глубины «памяти» является для писателя «путем» движения в пространства, не подвластные маркированию координатами реальной действительности. В понимании природы «памяти» Ремизов предстает последователем восходящей к Платону метафизической теории анамнезиса, согласно которой познание есть припоминание, воспоминание души об идеях, которые она созерцала до ее соединения с телом. Базируясь на интерпретации теории анамнезиса европейскими мистиками рубежа XIX-XX в. и не в последнюю очередь, основываясь на постулатах антропософии, писатель в сновидениях «воскрешает» свою память о людях, встреченных в реальной жизни, как вчера, так и много лет назад, а также память о тех, с кем он виделся в «прошлых» жизнях своей души.

Пространства сновидений Ремизова - места его «памятных встреч» - множественны и лишены временных, а также географических границ. Первое место в их чередовании отведено мыслимой России.

Та Россия начала XX века, которую Бунин многие годы воскрешал в своих художественных произведениях, у Ремизова многокрасочно существует в сновидениях. Для писателя бессонница или забвение сна, возникающие вследствие болезни или нервного напряжения, равносильны опусканию «железного занавеса», в реальности перекрывшего писателю путь возвращения на Родину. Кроме мыслимой России существуют столь же надреальные пространства СССР и Франции, где происходят встречи Ремизова с ночными визитерами.

Сновидения писателя населяют живые люди – его друзья, знакомые из мира русской эмиграции и французских литературных кругов, а также обитатели ближнего бытийного мира – консьержки, продавцы, сборщики налогов. Сюда же можно отнести появляющихся в снах современных политических деятелей, приходящих в сны под влиянием доносящихся до Ремизова известий о событиях современной истории (среди них можно назвать Сталина, Молотова, Гитлера).

Кроме живых в число ночных визитеров входят уже покинувшие этот мир. На первое место здесь надо поставить Серафиму Павловну, почти каждую ночь приходящую к Ремизову. Кроме нее его часто навещают близкие друзья. Среди постоянных «гостей»

Ремизова – А. Блок, П. Щеголев, И. Рязановский, В. Розанов, М. Горький. В сновидениях появляются родные – братья Виктор и Сергей, дядя Николай Александрович Найденов, а также ушедшие «собратья по перу» – современники по эпохе Серебряного века, такие как чета Мережковских, Н. Бердяев, Л. Андреев, М. Цветаева и многие другие.

В сюжетах сновидений с приходящими «третьими лицами», важное место занимает тема зыбкости границы между жизнью и смертью. В снах этот рубеж размыт и предстает кажимостью. Как пример, приведу сон с 27 на 28 августа 1949 г.: «С. П., но она не умерла. И вообще люди не умирают, а их закапывают живыми. Я простился. И вышел. И проношусь – лечу низко по дороге. И вижу лежат рядами, наряженные в белое – такая форма – обреченные смерти. И С. П. лежит затихшая. И теплый свет освещает ее. «Хорошо, что тепло, - подумал я. - а зимой?» И дальше лечу. / И опять по дороге белое, но это не белые цветы – узнал от П. Е. Щеголева, это мои письма».

Та же тема пронизывает сон с 26 на 27 августа 1950 г.: «Выделился Бердяев: тонкий молодой – воздушный, и не идет, а как плавающая, подвигается. Со мной ласково – и все ему удивительно. Я понимаю: попал на землю. / М. В. Сабашникова и тоже выделилась из круга, но она не такая воздушная, как Бердяев. Я понимаю, она живая. Со мной заботливая. / С. С. П. в комнате. Устроена перегородкой. Висят на веревке игрушки и украшения, как у меня когда-то. Я знаю, что это осталось от умершего, кого – не знаю. И С. П. показывает – выползают маленькие черви».

Зыбкость границы между мирами, их взаимопроницаемость позволяют Ремизову-визионеру как бы предчувствовать смерть живущих, и, одновременно, предвидеть ее относительность. Таковы сны, касающиеся стариков – его современников по эпохе Серебряного века.

В качестве примера, остановлюсь на анализе снов, связанных с фигурой И. Бунина. В снах писателя фигура его вечного эстетического оппонента, когда-то непримиримого ругателя, а в последние годы посетителя квартиры на улице Буало возникает, как бы освещаемая светом их многолетнего литературного соперничества. Еще живой Бунин в снах до 8 ноября 1953 г. - времени его смерти - представляется мертвым классиком русской литературы.

Сон в ночь с 14 на 15 мая 1951 г.: «Сходим вниз в столовую. За столом вижу, И. С. Шмелев – молодой, нарядный. И прохожу в другую комнату к столу. Там И. А. Бунин. Несут блюдо: телячьи «косточки». Я было с ножом отрезать, где мясо. «Нет, говорят, вам с того конца, а это Бунину!» И положили мне косточку без мяса. Но меня это никак не тронуло. Возвращаюсь где за столом Шмелев. И

тут какой-то большой, как Зеелер, ко мне «Да что вы к Шмелеву, ну что у вас общего?» - Как, говорю, общего? Оба мы из Москвы, соседи. Я из Б<ольшого> Толмачевского переулка – и вдруг забыл, как же церковь – приход? А этот Зеелер смотрит с усмешкой, я де заврался! – приход Николая в Толмачах! – И опять смущенно смотрю, «а как думаю приход Шмелева?» и не могу вспомнить. / Стоим очередью. А какой-то проверяет. Который передо мной, очень боится. И тот, кого проверяет, с ним грубо и вытолкал на улицу. Вот никогда бы не подумал – смирный и робкий. Моя очередь. / Он мне запрокинул голову и заглянув под глаза, весело: «Да ведь вы от Розанова!»

Сон с 1 на 2 мая 1952 г.: «Умер И. А. Бунин!» - сказал А. Бахрак. И я подумал, больше сердиться некому. Я остановился: приезд Чичикова к Коробочке и не могу найти страницу. / На суде за столом В. В. Розанов в сером – он председатель. Мое место сбоку. Я тоже судия, но мое чувство, что обвиняемый я самый и есть».

Сон с 16 на 17 февраля 1952 г.: «У Бунина. Он лежит нарядный. Я говорю: «Наш великий!». И думаю: неужто он верит? И мне его жалко вижу, он поверил».

Сон с 10 на 11 сентября 1952 г.: «Спускаюсь ниже. Когда подходили к последнему этажу, там у дверей чулан, и в чулане на полу лежит старик – труп. И. А. Бунин. С. П. испугалась. И мы очутились опять в нашей комнате».

Реальная смерть Бунина и отношение к нему Ремизова фиксируются в записи, касающейся дневных событий и сделанной в ночь с 11 на 12 ноября 1953 г.: «Сегодня хоронат Бунина. Ложась, подумал, для меня давно он был не живым, а из истории русской литературы. И даже когда он на кухне, разгребаясь в истории же, ругал Достоевского и ближайших: Горького, этим он хотел сказать не они, а я. То, что он ругал Горького, это еще куда ни шло, но Достоевского, не имея и доли его гения, было мне очень тягостно. / И сегодняшней сон – я иду по кожаным – со страницы, перелистывая, на страницу».

Ремизовское предчувствие смерти современников повторяется в «Дневнике мыслей» не раз. Приведу пример со сном, касающимся писательницы Тэффи. Это сновидение, предсказывающее ее смерть, было впоследствии отмечено как предсказание самим Ремизовым, не раз перечитывавшим страницы своего Дневника.

Сон с 26 на 27 сентября 1952 г.: «Неожиданно входит В. В. Бахрак. Он очень обрадован: вернулся. И мы очутились у Тэффи. Она лежит. Мы пришли очень рано, очень удивились: так рано. И говорит мне, я не похож на того, кого она привыкла видеть. И я понимаю, что не в дурном смысле. И мысленно пишу последнюю сцену «о короле Клевдасе» (Clovis). И сознаю, пишу во сне. / Она спихнула с себя одеяло и подняла рубашку. Какие страшные ноги –

застылые и очень белые» – [напротив записи сна на листе помета Ремизова: «Сон к смерти Тэффи † 6 X»].

Парадоксальность ремизовского восприятия проницаемости миров и осознания своего собственного пограничного положения как обитателя и этого, и тех пространств, видна в его записи дневных событий, в частности, получения известия о смерти Тэффи, сделанной в ночь с 21 на 22 ноября 1951 г.: «Проехал через Париж И. В. Кодрянский. Не успел я с ним и слова сказать. Говорят: умерла Тэффи. Подумал. *А вот она и у нас. пришла, как живая* [курсив мой – А. Г.]»

Способность Ремизова-визионера передвигаться между пространствами дает ему возможность оказываться рядом с теми, кто нуждается в его помощи и участии. Так в 1952 г. до писателя дошли слухи о гонениях в СССР на Анну Ахматову. Поэтесса начинает появляться в его снах, причем в контексте атмосферы опасности и предательства, знакомых Ремизову по его революционному прошлому. В этой же связи в ахматовских снах являются его давние знакомые по «вологодской памяти» - ссыльные революционеры Тучапская и Авксентьев.

Сон с 7 на 8 марта 1952 г.: «Театральный зал. Проникнуть было трудно, надо было проходить через холодильник. Но это собранье. Я стою в партере. Скрип кресел, стоит впереди в красной кофточке, она похожа на А. Ахматову. Она смотрит в себя, никого не замечая. На блюде несут мороженое желтое сливочное. Но мне не попало. Я понимаю, на всех не хватит. / Вл. Ив. Лебедев говорит: - А у нас был такой молодой коммунист, он написал: арестовать Ремизова. / И я увидел, как эта налитая красным подняла глаза и посмотрела на меня. И я подумал, вот и я, и она - мы не сидим со всеми, а на виду у всех, это здешняя поэтесса - Ахматова. И я поклонился ей».

Сон с 5 на 6 мая 1952 г.: «Вдруг вижу около окна лезут ко мне. Их трое большие, в сапогах. Смотрю, что будет, Один едва удержался, а я ждал, сверзнется. Влезли. Мне очень неловко, я лежу, проснулся, а им чаю надо дать. И откуда-то появились чашки. И который чуть не сверзился, сидит за моим столом и пьет, похож на Брежнев'a. / И я очутился в Opéra / Говорят: «Смотрите, Ахматова с Авксентьевым.» / Я спустился в партер. И правда, Ахматова, но с ней не Авксентьев. / «Ахматова, говорят, поздоровалась, а который с ней, недружелюбно». / Вижу на балконе скромно В. Г. Тучапская (из Вологодской памяти). / Огни потушили и сцена опустилась – занятно! какой свет! – снизу на четверть, сияние: морской травы. / И я вышел. С. П. Идем домой. Дорогу не знаем. Посередке дом и вдали него две улицы, как Av. Mozart и La Fontaine – куда идти. И пошли – «La Fontaine», направо. Идем мимо заборов. Впереди Ахматова и с ней тот, кого приняли за Авксентьева. / И «Авксентьев» говорит: / - В нашей типографии... / И я понимаю, что он не русский, военный – в

«генеральном штабе» - / Ахматова обернулась и поздоровалась со мной»

Какова внутренняя динамика изменения пространства «Дневников мыслей» Ремизова? С течением времени круг реального общения старого писателя постепенно сужался, соответственно уменьшалось место, отводимое его фиксации на страницах тетрадей. С другой стороны, сновидения начали все более выполнять компенсаторную функцию возмещения утраченных возможностей общения с миром.

В «Дневнике мыслей» Ремизов постоянно записывал не только сами сно-формы, но и процесс своего сновидения. Записи такого типа подтверждают фиксирование в Дневнике подлинных снов, в которых определенная заданность сочетается с записью видений, рожденных подсознательным.

Сон с 7 на 8 января 1950 г.: «Заснул после 6-и утра и вот 11 часов утра. Такая беспробудная сонь. Тихо плыл без пристанища, путь ровный и берегов не видать, думаю. «Проснуться во сне!» - так теперь думаю, а в мертвом сне возможно ли пробуждение?»

Сон с 3 на 4 ноября 1950 г.: «Мысль может снять сон. Задумавшись, заснул. И не мог выйти из застроенного дома (я понимаю: дом, где живут мысли). Это вовсе не светлые просторные комнаты, а все запутано и перепутано, только уголки расчищены. Попадешь, не выберешься. / А кругом дома бушует буря».

Сон с 1 на 2 декабря 1950 г.: «Поднялся в 4 часа утра, когда отдохнув, я переходил в сновидение».

В «Дневнике снов» Ремизов отмечает, как негативные, факты нарушения его сновидений из-за приема снотворных препаратов, одновременно, отмечая их воздействие на процесс сна. См. фиксацию этого в записи с 2 на 3 июля 1953 г.: «"Веганин" вызывает сновидение, а "гарденал" гасит. Легкой полосой тянутся дороги, ухватиться не за что. Появился Бахрак». Запись с 14 на 15 июля 1953 г.: «Тройная доза гарденала (1+1+3) действует убийственно. На сонную память. В первый раз я не могу восстановить мою прошлую жизнь. Я спал ключом». Запись с 20 на 21 июля того же года: «Единственный способ вернуться к обычной жизни - бросить «душиться» гарденалом. Я попадаю в волну без образов, тихо течет ночь не темная, бело-голубая». Запись о ночи с 29 на 30 октября того же года: «Явь впилась в меня и загородила дверь в сновидение. Ночь прошла в поправках моего плохо написанного текста, заботах о исправлении. Я на островке среди моря. Кругом бушует. И мое куда». Запись, сделанная после ночи с 17 на 18 мая 1954 г.: «Сны восстанавливаются нелегко. В памяти они проходят через навязывающиеся мысли – то что называется «прилог»».

Фактически «Дневник мыслей» стал последним «произведением» Ремизова, которое тот дописывал со скачущими строчками, за-

кончившимися чернилами, будучи уже совершенно слепым. В настоящее время рукопись «Дневника» готовится к изданию.

Подводя некоторые итоги, можно сделать вывод о том, что «Дневник мыслей» А. М. Ремизова является одним из наиболее оригинальных и ценных отражений двух эпох – эпохи Серебряного века и первой волны русской эмиграции. Созданный Ремизовым – мастером русского авангарда, чье творчество было понято и принято французскими сюрреалистами, – «Дневник» является произведением, находящимся на границе мемуарно-документальной и художественной литературы. Это – монументальное многолетнее произведение экспериментального жанра, отражающее личность своего создателя и все те множественные миры культуры, по которым не уставала странствовать его душа.

Список литературы

1. Грачева, А. М. Между Святой Русью и Советской Россией. Алексей Ремизов в эпоху Второй русской революции // А. М. Ремизов Взвихренная Русь. Собр. соч. в 10 т. - М.: Русская книга, 2000. - Т. 5. - С. 589-604
2. Грачева, А. М. Библейская эсхатологическая традиция и «Дневник» Алексея Ремизова 1917-1921 гг. // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет жанр. Сб. научн. тр. - Петрозаводск: Изд. ПГУ, 2001. - Вып. 3. - С. 452-458.
3. Грачева, А. М. Дневник Алексея Ремизова 1941 года /подготовка текста, вступ. статья и коммент. // Блоковский сборник. – Tartu: ТГУ, 2003. - Т. XVI. - С. 184-200.
4. Грачева, А. М. «Дневник мыслей» А. М. Ремизова (1940-50-е гг.) и проблема «возвращения в СССР» // Литература русского зарубежья (1920-1940-е гг.): взгляд из XXI века. Материалы Международной научно-практической конференции. - СПб.: Изд. СПб. ГУ, 2008 (в печати)
5. Кодрянская, Н. Алексей Ремизов. - Париж, 1959.
6. Ремизов, А. М. Дневник мыслей РГАЛИ Ф. 420. Текст цитируется в статье по этой рукописи
7. Шестов, Л. Дневник мыслей // Континент. - 1976. - № 8. - С. 235-252. Текст цитируется в статье по этому изданию.

М.Ю. Звягина

«СВЕРНУТЫЕ» ЖАНРОВЫЕ ФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

В современной жанровой системе наряду с традиционными жанрами можно наблюдать новые формы, возникшие в результате трансформации и модификации. Под трансформацией мы понимаем процесс существенного изменения объекта, приводящий к возникновению нового объекта (жанра). Модификация – это изменение в пределах существующей формы (жанра). Наблюдение и анализ показывают, что достаточно большой корпус подобных